

Путешествие среди людей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кирилл Ивашин

18+

Кирилл Ивашин

Путешествие среди людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63507416

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99529-1

Аннотация

Каждый год мы пускаемся в путь, познаем себя и людей вокруг. Мы сталкиваемся со взрослой жизнью, совершаем ошибки и много улыбаемся. Порой мы счастливы, порой – нет, но то, как мы поем, рисуем, пьем и говорим, создает вокруг нас тот мир, каким его знают. Ведь всё окружающее – результат любви и дружбы, ненависти и подлости людей, которыми мы стремимся стать. Поэтому все существующее зависит от нас – студентов. И того, как мы проживем свой первый год в вузе. Книга расскажет о небольшом отрывке из жизни студентов в Санкт-Петербурге. О том, как они пели, пили, рисовали и говорили... Содержит нецензурную брань.

Кирилл Ивашин

Путешествие среди людей

Глава 1

Шум перрона.

Я шел к своему купе с парой пакетов и рюкзаком за спиной. Поезд еще не тронулся, а солнце не завершило свой день, поэтому тускло-желтое освещение вагона, перемешиваясь с серостью, идущей снаружи, создавало таинственную атмосферу прощания со всеми, кто провожал меня и моего друга.

Матвей стоял у окна, облокотившись на верхний его угол и, уткнувшись в руку, судорожно плакал, стараясь не издавать при этом звуков. Ему не хотелось показывать свою слабость. Он не хотел, чтобы кто-нибудь видел его душу в этот момент. Людей вокруг было немного, а те, что были, уже разбились по своим купе и тихонечко себе возились внутри, раскладывая сумки. Я же только собирался начать это делать. И, пока я вплотную не подошел к Матвею, я был почти уверен, что он смеется или корчит рожи своим домашним, что стояли за окном. Тогда я положил руку ему на плечо, улыбнулся и посмотрел наружу, где стояли наши семьи.

Я задумался на секунду, где же мои слезы. Почему мне не так грустно? И с уходящим с лица смехом, взгляделся в окно, где стояла огромная толпа людей, среди которых я был

рад видеть родные лица. И в этой радости я и нашел свой ответ. Ведь они нас провожали, и им было грустно с нами расставаться. А значит, все хорошо.

Наши семьи были во многом похожи: наши родные отцы бросили нас, а матери отдали нам те остатки разбитого сердца, что их мужья оставили им. Но они сумели компенсировать тяжкие надломы судьбы своей душой. Своей безмерной и безмерно доброй душой. Они воспитывали нас и защищали от своих слез последние восемнадцать лет. И, какими бы тяжелыми ни были их времена, сколько бы тяжести ни легло бы им на душу, они выдерживали все и умудрялись при этом закрывать своей душой наши сердца. Но, самое главное, они научили нас поддерживать близких людей, они подарили нам сострадание и научили чувствовать людей вокруг, видеть их слезы, которые они так пытаются скрыть от нас. Добротой внутри нас мы обязаны своим матерям. И в этих хитросплетениях души и сердца мы жили с ними эту жизнь. А теперь покидали их дом, обещая не забывать. Ни их, ни себя.

Впереди нас ждали другие жизни: свои и чужие, долгие и мимолетные, приятные и не очень. У нас в запасе были все ошибки, на какие только способен человек в своей жизни, у нас были все выборы и все развилки впереди. И нам оставалось только дрожать в преддверии их всех. Я дрожал не хуже остальных и боялся всего в разы сильнее, но мне все равно хотелось улыбнуться грядущему – я же ехал жить. И ехал с другом. Вот только, он плакал, а я нет.

Наши семьи объединяло общее русское горе – мужская слабость, принесшая в семью раздор, и женская сила, воспитавшая в раздоре человека. За окном стояли они обе: две великие женщины.

Его провожал старший брат, заменивший ему отца. Глядя на них, я не раз ловил себя на мысли, что лучший отец – это старший брат. В братстве есть дружба, так нужная способному запутаться в своих же мыслях юнцу, а отцы в своем надуманном самодержавии забывали, что они не в прайде и гривы у них нет, а маленький человечек, которого они породили в молодости, будет впитывать лишь то, что видит. Вот они нас и бросили, чтобы мы смотрели на достойных. Мы с Матвеем научились быть этому благодарными. Почему и мечтали не повторять ошибок отцов. Почему и ехали искать свои ошибки.

Меня же провожал отчим, взрастивший во мне те небольшие намеки на мужественность, которых я был бы лишен, останься наедине с мамой в те грустно-сладкие годы ее одиночества. И, пусть я был счастлив тогда, пусть я был тогда ей большим другом, чем сейчас, я радовался ему, ведь с его приходом она стала улыбаться кому-то еще, кроме меня и своих родителей. Тем более что у нас с мамой остались воспоминания, которые никто у нас не заберет. Воспоминания из ее счастливого одиночества молодой женщины, которое она поделила со своим сыном. Но тогда она об этом не знала. И, спроси ее сейчас кто-нибудь: жалеет ли она о том пе-

риоде, когда ее сын помогал ей с выбором платья, краски для волос, заколочек и прочих женских шмоток, она ответит, что для нее не было ничего важнее простого «Ты у меня такая красавица, мамочка», услышанного от ее маленького принца. Спросит же кто-нибудь этого маленького принца, спустя время, не жалеет ли он о том времени, и этот принц ответит: «Я благодарен маме и благодарен Бриджет Джонс – благодаря им я уважаю женщин».

Но всю юность так не проведешь, и в один момент из тебя и впрямь начнут делать принца-гомосека, не способного без мамочки ни на что. И это будет жалкое зрелище. Поэтому жизнь спасла меня. Спасла от доброй, нежной матери. И инструментом стал грубый красивый мужчина, в которого она влюбилась и которого привела в наш с ней дом. И, спустя десятки драк, сотни громко сказанных оскорблений и тысячи дней, проведенных в одиночестве, я с уважением могу назвать его отцом. Ведь он помог моей маме воспитать меня. Ведь он был мне необходим, чтобы стать человеком. И он подарил мне младшего брата, воспитанию которого позавидовать может любой. Спустя все «воспитательные» процедуры со мной он понял, что повторять таких злых ошибок не стоит и дальше подзатыльника идти не следует.

Итак, Матвей плакал, я улыбался, а поезд начинал свой путь. Мы начали уезжать, за окном медленно пошли наши родные. Сначала пошли, потом побежали, но вскоре остановились и еще долго смотрели нам вслед. Родные мамыны гла-

за. Они всегда на нас смотрят. А мы все едем куда-то.

Разобравшись со своими вещами и постелив себе койку, я зашел в соседнее купе спросить, не нужна ли Матвею помощь. Помнится, ему сунули огромный баул вещей и продуктов – мамы так и норовили обеспечить нас на весь семестр. Уверен, будь это возможно, они бы так и поступили. Я открыл дверь, но его внутри не было. Сумки стояли на нижней полке, явно мешая людям. Баул стоял там же. Я поднял его кое-как, извинился перед соседями и вернулся к себе. Я сел на нижнюю полку – мне повезло чуть больше, она была пуста, и стал ждать. Ждать пришлось совсем немного. Уже через пару минут я понял, где Матвей, и решил проверить свою догадку. Тамбур. Там я его и нашел.

Он стоял у окна, снова упершись рукой в верхний его угол. В этот раз без слез и рож, но даже со спины было видно, как набухли жилы на его лбу. Он как будто пытался что-то разглядеть в том небольшом пыльном окне. Было темно, но кое-что он увидеть в нем он мог – родные, мамины глаза.

– Мы с тобой теперь сами по себе, – начал я, встав у противоположного окна, – но у нас с тобой будет много нового. Новый город, новая, по сути, жизнь. Даже прописка будет своя. Временная, конечно. В конце концов, это хороший толчок искать что-то постоянное. Свое.

Матвей был угрюм и с трудом допускал людей к своим мыслям. Даже мне он не всегда решался выговориться. И сейчас он тоже молчал. Так что я продолжил:

– Ты только представь: целый Питер будет нашим. Романтика, мать ее. Это же здорово, не думаешь?

– Да, – забубнил он из своей задумчивости, – и мы давно уже об этом мечтали.

– Точно! Вот же, точно, – я подошел к нему поближе и с неким напором стал вещать ему что угодно, лишь бы взбодрить. – Помнишь, как мы впервые оказались в этом городе? Восьмой класс, отличное время. Мы всей своей гурьбой, всей компашкой ходили по отелю, поднимали всех на уши. Особенно старуху-классуху. Бедная женщина. Бегали на улицу, глядели на мосты с балконов, тайком на них пробирались, смеялись.

Он ответил мне небольшим смешком, но было ясно, что в голове у него зароились воспоминания из той поездки.

– Да, было неплохо. Помню, ты еще как-то вечером привел к нам в комнату каких-то старшеклассниц из... Откуда они там были? – с этим вопросом он уже повернулся ко мне и по-настоящему заинтересовался этим воспоминанием.

– Из Перми, кажется.

– Да, точно, из Перми. Я еще, главное, разозлился на тебя дико из-за этого, потому что утром опоздал на завтрак.

– Ты опоздал на завтрак потому, что до утра проболтал с той девчонкой, лежа у нее на коленках. Признайся уже, наконец, это было хорошо.

– Это, может, и было неплохо, но я бы спокойно прожил и без того вечера.

– Ну, ладно, тоже сойдет, – сказал я и достал из пачки сигарету.

– Что ты делаешь? Тут нельзя курить.

– Да, но не переживай, – я уже вставил сигарету в зубы и начал подкуривать, – у нас с виду приятная проводница, она не станет сильно ругаться. Тебе дать?

– То есть, если она все же разозлится, ты заплатишь штраф своими деньгами? – он явно сам уже начал злиться и был почти готов самостоятельно выписать мне штраф. – Не хочешь быть чуть ответственнее?

– Так, мужик, я тебя понял, – придержав сигарету в руках, сказал я. – Платить мне не придется, а если и придется, то своими, заработанными за лето. Другое дело, что ты до сих пор не понимаешь, куда мы едем.

– Слушай, хватит этого пафоса, – он снова отвернулся к окну. – И выкинь сигарету.

Я недовольно бросил сигарету на пол и притоптал ногой.

– Неправильный ответ. А правильно было бы: «В Питер – в самое злачное для студента место». Там будут попойки, потасовки и множество девиц. Там будет много чего хорошего и плохого. Я не говорю, что это будет единственной нашей целью – я согласен с повинностью учиться, но и ты со мной не спорь. Другими словами, нам с тобой нужно будет вытаскивать друг друга из крайностей.

– О чем это ты?

– Я о том, что ты явно с головой уйдешь в учебу, а я начну

бедокурить, как сказал отец, поэтому тебе придется изредка напоминать мне об учебе, а мне придется постоянно вытаскивать тебя в бар, – сказал я и всюду заулыбался.

– Не совсем честный распорядок какой-то.

– Ну, ладно тебе. Улыбнись же уже, в конце концов.

Я сел на пол, рядом с бедной, растоптанной, маленькой спутницей всех печалей человеческих, протянул ноги и просидел так, пока самому не стало грустно.

– Ты знаешь, мне довольно трудно будет в Питере. Дома мы, бывало, далеко в веселье заходили, а это ведь было под маминым взором, а тут ничего такого не будет. Да, там я могу не той дорогой пойти, и это пугает. Так что, как бы не оказалось, что я еду не туда.

– Во-первых, МЫ едем, – он уже подобрел и начал пропускаться моим трепом, – а во-вторых, все зависит только от тебя.

Я увидел в его глазах, что он меня слушает, и это было приятно.

– Да, мой друг, МЫ едем, – мой голос уже ушел куда-то глубокий в горло и выходя из гортани, сливался со стуком едущего поезда, поглощал в себя то легкое освещение тамбура и, хочется верить, доносился Матвею искренним и правдивым. Каким он и выходил. – Я уже рассказывал тебе как-то, что меня иногда накрывает нечто вроде... паники.

– Да, ты еще как-то назвал ее интересно... – Он присел рядом и уже не смотрел в окно. Он уже ехал со мной в поезде.

– Да, это похоже на «метафизическую оплеуху».

– Вот, да. Но ты так ни разу и не посвятил меня в это.

– Жаловаться не хотел, но тебе об этом нужно знать, наверное. Или не нужно. В любом случае, это стремная штука.

Раньше, мы с ним ходили играть в стритбол по утрам. Бывало, выйдем в 4 утра, а вернемся к завтраку. Это было нашим временем. В той тишине, в которой мы играли, мяч стучал как-то особенно гулко и проникновенно. И в этой сотрясающейся тишине мы говорили с ним. Говорили обо всем. Все обсуждали и делились своими теориями жизни. Мы старались видеть жизнь, и в такие моменты она видела нас так же явно, как и мы ее. Она смотрела на нас с каждой верхушки дерева и из каждого окна многоэтажек. Мы были частью ее, пока говорили. Стоя под кольцом рано утром, мы играли не друг с другом – мы играли с природой вокруг нас. Даже с той, что уже давно пала под индустриальным гнетом человеческой хладности. Пусть мы играли словами, но играли красиво. И сейчас, сидя на полу тамбура, я собирался поделиться со своим другом, пусть и ненужными, но важными для меня словами.

– Это связано с проблемой сна...

– Да, точно, ты рассказывал, – крайне оживленно перебил он меня. – Это, конечно, погано все, но такие проблемы у многих бывают.

– Бывают, – встав с пола, едва ли не обиженно ответил я. Никому не нравится, когда ему говорят, будто в его пробле-

мах нет ничего уникального. Всем нам лучше думать, что и мы, и наши проблемы особенны. Но для обиды такого замечания было недостаточно, так что я продолжил. – И с этими, может, и правда все обычно, но мне слишком трудно их описать, чтобы ты их понял правильно. Тебя они, естественно, не коснутся, – голос уже не был столь глубоким, как в начале темы, но понемногу он уходил все дальше в мысли и память, возвращая свою искренность. – Я не какой-нибудь там псих. А если и псих, то в скором же времени с этим разберусь.

Я посмотрел на него и понял, что нельзя вот так, ни с чего, нападать на человека своими мыслями и проблемами. Не важно, насколько они глубокие и важные для тебя – они всегда будут лишь твоими. Твоими. И храниться они всегда будут в тебе в том виде, в котором они существуют изначально – в виде чувств и переживаний. Подобные вещи порой лучше не переводить на язык слов. И тут я не стал:

– Ладно, дружище, извини, что развел такую интригу. Как-нибудь, в подходящий момент, я открыто расскажу тебе все то, что так тревожит меня последние годы, а сейчас нам нужно обусловить две вещи, – на этом я достал еще одну сигарету и закурил. – Первое: если я скажу тебе, что надо отложить все и выйти из общаги или закупить разных вкусностей и сесть смотреть какой-нибудь фильм – не противься, сделай это.

– Хорошо, – нервно встав с пола, отрезал Матвей. – А вторая вещь?

– Если ты видишь, что делать этого совершенно не стоит, смело откажись и приказным тоном напomini о делах.

Он постоял с секунду, глядя на меня не то с укором, не то с одобрением, обдумывая противоречивость мною сказанного, и сказал:

– Тогда выбрасывай сигарету и пошли, поможешь мне закинуть сумку, а то она может соседям моим мешать.

– Я уже забросил сумки, – сказал я.

– Тогда пойдем, достанем ее обратно, чтобы найти в ней, чем перекусить.

Сигарету все равно пришлось выбросить и пойти с ним за едой.

Как оказалось, наши мамы предвидели этот момент и положили бутерброды в самый ближний карман сумки. Вернувшись в тамбур и открыв контейнеры, мы сели на пол и приступили к трапезе. На полу было удобно, будто в парке на траве. Это был наш пикник в тамбуре поезда, везущего нас в Питер. А все грядущее манило.

Глава 2

Пока мы ехали двое суток из Краснодара в Питер, с нами разговорился один мужик. По совместительству, он был моим соседом и всю дорогу он сидел внизу, глядел в окошко и изредка предлагал всем чаю. Маленькая девочка, постоянно загадывающая своей маме загадки, каждый раз радостно отвечала ему и шутливо заявляла, то пьет только кофе, на что ее мама, не менее шутливо, грозила пальцем. Они очень

гармонично между собой перекликались, пока я наблюдал за ними с верхней полки.

Когда же поезд делал остановку, мы выходили с Матвеем, я закуривал, а мужик из моего купе заводил какую-нибудь историю из молодости. Сам он был далеко еще не старик, но на пенсию уже вышел и, по рассказам, был вполне этому рад. Под его истории даже Матвей пару сигарет выкурил.

Мужика звали Петей. Петя всю жизнь посвятил работе и теперь ехал в культурную столицу к семье. Наконец, он собирался осесть со своими маленькими внучатами и счастливо доживать остатки времени. Несмотря на все возражения, мы обращались к нему по имени отчеству, хоть и ощущали его своим другом Петей. Петр Николаевич всю жизнь был военным, но не перестал улыбаться окружающим. Простая улыбчивость, которая так глупо смотрится на молодых и так уютно выглядит у взрослых умом людей, украшала любую из его историй. И этим уютом он делился с нами. В разговоре он был радушным хозяином своего рассказа, а мы – гостями его истории, где было уютно и комфортно. Хоть он и рассказывал о страшных случаях уже прошедших войн, мы волей-неволей испытывали этот комфорт. Военные люди к старости о многом могут рассказать и многим могут поделиться с юным поколением, они многое видели и многое поняли, но зачастую они ведут себя как старые, вредные, всеми загнанные, озлобленные пни, почему их никогда и не слушают. Но этот мужик был рад нашей молодости и сам делился

мудростью, которой остальные бы пожадничали. Но не наш Петр Николаевич.

Иногда мы говорили ему, что пойдем, поищем какой-нибудь магазинчик, а сами находили лавку и обсуждали услышанное. В одну из таких остановок я признался Матвею: «Мне бы тоже хотелось в своей жизни чему-нибудь себя посвятить. Только чему-нибудь большому, чтобы всего себя отдать». А Матвей ответил: «Это нормально. Я тоже так хочу». К сожалению, он так и не сказал мне, о чем мечтает, но мне было достаточно узнать, что его мучают те же мысли, что и меня. А мне казался грандиозным любой путь, способный поглотить целую человеческую жизнь, не убивая в нем себя. На свете есть тысяча работ, способных тебе понравиться, но из них лишь та твоя, что способна поглотить тебя или насытить тебя собой. В очередной раз сев на пол нашего тамбура, закинувшись парой бутербродов, Матвей вспомнил о той «Метафизической оплеухе», о которой я вчера так и не рассказал.

—Ну, — протянул я, — это началось давно уже, но думаю, будет легче просто описать этот процесс. Если помнишь, я вам с ребятами весь июнь гордо декламировал, что скоро сяду писать книгу. Гордо, но робко. Так вот, в июле, как я и обещал, я сел ее писать. Не знаю, получилась она или нет, но суть в том, что дописать мне ее какое-то время не удавалось, и я бросил эту затею, пока в начале августа мы с семьей не отправились на машине в Грузию. Это было нашей «прощаль-

ной» поездкой перед Питером, поэтому все время я старался проводить с ними – в основном, конечно, с братом, который скучал не меньше мамино и при каждой грустной мысли спешил скрыть от меня слезы.

– Так что, у тебя получилось дописать ее? – спросил Матвей, жуя.

– Да, как-то вечером, в Тбилиси, я остался один в небольшой кафешке, вокруг сидели люди, пили вино и много-много говорили. Столики стояли на улице, а вокруг стояли деревья, оплетенные гирляндами. В общем, все как-то пошло хаосом, мысль за мыслью, все эти изъезженные атрибуты вдохновения, и я понял, что и начало книги у меня неправильное, и конец должен быть другим. Достал телефон, открыл заметки, чего раньше никогда не делал, и стал печатать начало. – Я заметил, как Матвей украдкой улыбнулся. Или же у него застрял кусок бутерброда между щекой и десной. В любом случае, я продолжил. – Короче, не знаю во сколько ко мне пришли родители и сколько я там просидел, но за следующие три дня у меня получилось приблизиться к последней главе. И вот, вечером четвертого дня, мы всей семьей, захватив с собой друзей, которые были нашей компанией на протяжении всей Грузии, пошли в бар. Музыканты играли рок-классику, которую мы с отцом так любили, мой мелкий братец танцевал под нее, как ужаленный. Весь бар танцевал, благодаря его харизме. Я же сидел за столом, пил Гиннес и пытался слушать разговор взрослых. А внутри неймётся. Я все ду-

мал, что провожу последние дни в таком замечательном городе «не так». То есть, я не особенно загонялся по этому поводу – так, в голове фоном держал. А потом – БАХ! – и внутри появилась последняя глава книги. Все прояснилось внутри, и я заметно помутнел снаружи. Не уверен, что это случилось сразу, но мама все поняла. Она сказала мне с улыбкой, что я могу идти в номер, если хочу. Я улыбнулся в ответ и вышел из бара. По дороге в квартиру я забрел во дворы, где стояла небольшая беседка, вся покрытая лозами дикого винограда. Она будто приглашала меня сесть. Заманила как-то. То есть, естественно это все только у меня в голове так было, но для меня было все так. В общем, я сел и стал дописывать. Я просидел там больше двух часов, большие пальцы уже начали гудеть от постоянного клацания по телефону. Но это того стоило. Начала портиться погода, послышался гром, начал лить дождь, но виноград меня надежно защищал. И вот, когда я подобрался к последним строчкам, к последним фразам, все вокруг сотряс такой гром, что и мне, и даже винограду стало страшно. Но каждый из нас продолжал выполнять свои задачи – я писал, а виноград защищал от дождя, который уже всюду стучал по его листьям. Несколько мгновений, пара фраз, точка – и вспышка молнии, освятившая весь Тбилиси и всего меня. Природа содрогалась, и я вместе с ней. И вот, через мгновение, я уже дописал свою первую книгу. Пусть вышло паршиво, но от тех молний и гроз, от всего того момента меня накрыло, как сумасшедшего. Силь-

нейший приступ паники. Я поспешил домой, потому что виноград уже не мог сдержать дождя, а дрожь пробрала меня насквозь. Я шел, а все пространство... Как будто все пространство, видимое и невидимое сдавливало меня, а изнутри всего меня распирало сразу от всех знакомых человеку эмоций. Это как находиться на границе атмосферы без скафандра. И я пребывал между двумя этими мирами, метался в безызвестности, что в физическом мире, едва ориентируясь по дороге домой, что в душевном мире, путаясь в нитях чувств и атмосфер внутри меня. Метался и не знал, что делать. Смотрел на руки, а они будто не мои, заглянешь в душу, а она чужая. – Сфокусировав зрение на застывшем лице Матвея, я понял, что заговорился и последние минуты говорил не с другом, а с самим собой, стараясь как можно лучше объяснить все это себе, а не ему. Матвей смотрел на меня с каким-то испугом, совершенно растерянно. Не думаю, что он смог бы подобрать ответ. – Ну, в общем, я дописал тогда, а дома уже все вместе соединил и распечатал. Я хотел предложить тебе ее прочесть. Она у меня с собой, если хочешь.

– Да, хочу, конечно, – вырвалось у него вместе с небольшим кусочком колбасы. – Слушай, а этот припадок... Атака паническая, она у тебя часто случается?

– Нет, но ближе к ночи бывает. Не переживай, дружище, я всегда могу позвонить маме и просто поговорить с ней, – ответил я и улыбнулся.

Мы посидели так еще некоторое время, молча доели свой

королевский ужин на две персоны, а уже перед самым выходом я вспомнил, зачем все это говорил изначально:

– А, так я же не просто так тебе все это рассказывал. – Остановив его небольшую реплику, начал я. – Я хотел сказать, что почувствовал что-то в тот вечер. Я делал то, что мне нравилось, то, что любил, и природа говорила со мной через эти чувства. Она чему-то меня научила, и с Петром Николаевичем я это понял. То есть в его взгляде и словах было что-то честное и искреннее. Я думаю, он научился быть честным со своим сердцем. Пусть он милитарист, пусть иногда бессердечный, но он дядька с душой. Он ее нашел – именно свою душу. Он спокоен душой. И вот я тоже так хотел бы. Тот вечер в Грузии помог мне это понять.

Матвей не особо отреагировал на эти слова и продолжил угрюмо смотреть на меня еще какое-то время.

– Вот и все, собственно, что я хотел тебе рассказать, Мот.

– Ты извини, что так реагирую молча, – будто вернувшись мыслями к разговору, спокойно сказал он. – Просто мне сейчас тяжело говорить что-либо. Ты прав, человеку нужно знать, кто он на самом деле, а мне сейчас хочется только домой... Этот поезд еще... Ненавижу чертовы поезда.

– Обратно полетим самолетом.

Он резко повернулся ко мне и очень сильно улыбнулся. А потом рассмеялся.

– Ладно, братан, – все так же с улыбкой сказал Мот, – пойдем, покурим, остановка всего 5 минут, вроде.

Проводницы еще не звали нас в путь, и Матвей разговаривался. В некотором роде он оправдал свои переживания насчет всего грядущего.

Тогда у нас была последняя долгая остановка на пути в Питер. Я стоял у скамьи, курил и поглощался какой-то сомнительно убранной, невероятно серой клумбой, когда откуда-то с периферии слуха стали доноситься размытые вступительные фразы. И пока я не отвлекся от клумбы и не спросил: «О чем это ты?», он говорил крайне размыто. Открыться для него значило чуть больше, чем для меня.

– Ладно. Я спросил, не знал ли ты, что моя бабушка тоже училась в Питере.

– Нет, ты не рассказывал об этом. – Присаживаясь рядом, ответил я.

– Да, она как-то рассказывала мне о своей учебе. Я был еще в 4 или 5 классе. Да, я удивился, когда она вспомнила об этом пару недель назад. В Питере ей было очень тяжело. Одна, в холоде и сырости она жила в общежитии. Комната прямо под крышей. Потолок в плесени, а пол в штукатурке. Тараканов тьма. Она говорила: «Бывает, проснешься от чувства, что кто-то по тебе бежит, а это таракан. Через пару месяцев я уже привыкла к ним и стала спокойней реагировать». Она у меня довольно брезгливая женщина.

– Видимо, уже отвыкла от тараканов, – с улыбкой поддержал я.

– Да, видимо, отвыкла, – он был мрачнее даже той клум-

бы, которую я разглядывал пару минут назад. – Кровати были ужаснее всего, как она говорила. Посреди ночи она могла сложиться – либо на ноге синяк, либо на груди. Приходилось вставать, собирать себе кровать по новой, отряхивать одеяло и подушку. Но она не злилась, даже если на утро нужно было идти на экзамен или на работу, она принимала свою судьбу и принимала потребность в образовании. Тогда образование, кажется, было престижно, – на минуту он замолчал, будто осозная, сколько теперь ненужных людей с высшим образованием и какая каторга ради этого ему предстоит. – Словом, главное, она сказала, что каждый день был борьбой. Но эту борьбу она выбрала сама. Почему и шла до конца. Потому что сама выбрала сложный путь.

– А ты выбрал сам? – протягивая ему сигарету, спросил я. Он кивнул и ответил:

– Да, давно еще.

– Ну, тогда не о чем переживать. Как сказала твоя бабушка, она была там одна, а ты не один, в общем-то. И бабушка у тебя сильная женщина. Ты будешь вполне достоин ее.

Под конец поездки он вспомнил о моей книге и даже попросил ее взять. И я с гордостью вручил ему небольшую стопку распечатанных листов.

– Понравится или нет – не важно. Главное, скажи, как прочтешь ее. Мне будет важно твое мнение. Скажешь, как прочтешь.

– Хорошо, конечно, – и, улыбаясь, он положил руку мне

на плечо. — Я обязательно ее прочту.

Глава 3

Поезд прибыл в начале 11-го утра. Вместе с поездом пришла и гроза.

Очень тепло распрощавшись с Петром Николаевичем, мы остались стоять между 9-ым и 10-ым путями. Мы стояли окруженные сумками, полностью набитыми закрутками, колбасами, вареньем, фруктами и мясом. Каждая банка была закручена в майку, шарф или джинсы. Всего нашего барахла хватило бы на небольшую семью, только-только начавшую свой путь. Это были практически неподъемные сумки, но грели нам душу, ведь содержимое собирали наши семьи. Жизнь не казалась нам таким уж грузом, когда рядом стояли сумки, груженные заботой близких людей.

Родители вызвали нам таксиста, наняли человека, чтобы он нас встретил и помог с сумками и теперь названивали, потому что ни таксист, ни грузчик не сдержали своих договоренностей. Это было к лучшему, потому что теперь мы могли организовать все самостоятельно. Родители ругались в трубку, что было естественно, хоть и безобразно. В таких бытовых спорах с родными редко удается сдержаться, поэтому мы спрятали телефоны, взгромоздили по баулу на плечо, по рюкзаку на спину, взяли по сумке с колесиками и двинулись к выходу.

Через сто-двести метров мы остановились: нам предложил свою помощь какой-то коренастый парниша азиатской

внешности. Цена его помощи была небольшой, но даже на таких условиях мы начали торговаться. Глупый южный нрав. Скинув цену до ста, мы отдали ему самый тяжелый баул и одну сумку на колесиках. Бедолага тащил их, пыхтя и рассказывая нам, как живет и работает. Оказалось, у его семьи свои рисовые поля за городом, и он на них уже полжизни работал.

Такси нам пришлось искать без интернета из-за севших мобильных. Никто не хотел везти нас по адекватной стоимости, и я вернулся к Матвею, злобно фыркая и рассерженно причитая. Мне казалось, что лучше идти пешком, чем платить большие деньги тем жуликам. Одна из сумок уже была на моем плече, когда со спокойным лицом, Матвей двинулся к одному из таксистов. Всего через минуту мы грузили свои вещи в багажник машины.

– Ну и вещей же у вас, детишки, – пропыхтел таксист, взяв последнюю переданную ему нашим помощником сумку. Он был с нами все время, пока мы стояли у роя таксистов и ждали удачи – вот, что такое верность клиенту и самому себе. Распрощавшись с ним, мы, растроганные заплатили втрое больше и обменялись улыбками.

Всю дорогу я разговаривал с водителем. Преисполненный радостью, я расспрашивал его обо всем, что только приходило в голову. Мужик был, на удивление, местный, и вся его биография заключалась в том, что он – таксист. Когда-то он служил, затем занимался каким-то мелким бизнесом с дру-

гом, но в остальном он был просто таксистом. Изю дня в день, он садился в машину, рано утром отправлялся на вокзал, потихоньку просыпаясь и преследуя надежду найти хоть какого-нибудь пассажира за вокзальную, лишенную здравого смысла цену, и к полудню уезжал на свою основную работу. Он рассказывал нам, как противна ему работа, как каждое утро он еле-еле поднимал себя с кровати и тащил в ванную. И, по его словам, он тысячу раз бы уже остался в кровати, не лежи в ней его жена. Он говорил, как каждое утро у него зажимает сердце при виде ее сонных, нежных глаз. Как он целовал ее, видел ее улыбочку, слышал ее «доброе утро» и спускался к машине. В общем, все было ради нее, как он сказал. Иначе он бы он давно уже познал счастье алкоголика.

По большому счету, он ничего нового нам не поведал, но в один момент, встав на светофоре, он повернулся вполоборота к Матвею и внушительным голосом сказал:

– Послушайте, парни, вы в одном из самых замечательных городов мира. Здесь не так холодно и серо, как вам рассказывали и здесь куда более красиво, чем вы могли себе представить. Вас ждет целая... атмосфера. Отдельная от всего мира, Питерская собственная атмосфера. Вы все это еще увидите и поймете. Главное, знать, что этот город способен ломать молодых людей. Каждого по-своему и всех одинаково. Алкоголь, бары, ночные улицы, уголовщина, слишком задуховно-задушевный треп обо всем и ни о чем... в общем, много чего. Ну, а, в целом, здесь хорошо, если быть честным с са-

мим собой, – машина уже тронулась, и он с улыбкой продолжил: – Я вам сейчас один очень умный вещь скажу, вы только не обижайтесь, – он снова повернулся к нам и убедился, что мы не улыбаемся – во-первых, посмотрите «Мимино», современные засранцы, и, во-вторых, ни за чем не гонитесь. Здесь, да и везде, лучше так, чем иначе. Если будешь все время за чем-то гнаться, всю жизнь пропустишь. Ладно, де-тишки, – сказал он, затормозив, – выходите, приехали.

Выйдя из машины, мы увидели угнетающе старое здание. Оно не было обшарпанней других зданий центра, оно даже не было на глаз старше остальных – оно просто было другим. Практически бесцветный, н-образный плевок архитектуре. Могила для студентов. Но нам, судя по адресу, оно и нужно было. Во внутреннем дворе того чудовищного здания нам открылась толпа, органично подметающая асфальт. У всех одинаковые выражения лиц, одни и те же халаты синего цвета и гробовая тишина на устах – идеальный антиутопический коктейль. И только шум проезжающих за воротами машин, да звук полусотни метел, работающих в унисон.

Когда мы совершали только первый заход с сумками, Матвей, проходя мимо этой оруэлловской толпы, злобно сказал не то мне, не то всем: «Мы так работать не будем». Мне осталось лишь подтвердить: «Надеюсь». Так мы и зашли в нашу первую в жизни общагу.

Глава 4

Внутри нас поджидал целый пункт приема документов по

зачислению. Несколько старшекурсников во главе с уставшей от жизни женщиной на побегушках сказали нам оставить вещи и бежать в вуз, пока все нужные нам кабинеты не закрылись. Кабинетов, конечно же, была тьма. И в эту тьму мы поспешили окунуться. Но пока нам нужно было лишь пообщаться с комендантом и заполнить пару анкет.

Мы сидели на первом этаже общежития и заполняли нужные анкеты для будущего получения документов. Все время нам подсказывала одна из старшекурсниц. Она была настойчива в своей помощи.

– Вот здесь строго по паспорту, здесь по полису, а вот здесь укажите свой...

– Послушайте, девушка, я даже не просил тебя мне помогать. Здесь все предельно ясно написано и без ваших заученных комментариев, – и демонстративно взмахнув рукой, как это сделал бы какой-нибудь итальянец в разгар эмоционального разговора, Матвей уткнулся в бланк.

– Слышь, ты бы попроще был. Тут с такими остроумными на раз разбираются, – и наклонившись к нему, с исключительно пацанской ноткой добавила. – Уяснил?

– Я сейчас заполню эту вшивую анкету, затем еще одну, а во время этого и после этого и после-после этого, НИ СЛОВА тебе не скажу, хорошо? – он лишь добавил незначительное нечто в свой голос и пренебрежительно поднял голову, глядя ей прямо в глаза. – От тебя я жду того же. Справедливо?

– Понятно, борзый. Справедливо.

Остаток дня, до самого вечера мы бродили по всем кругам бюрократического ада. Километры коридоров, десятки недонесенных бумажек или в недостаточном количестве отскерокопированных заполнили часы первого знакомства с вузом, где нам предстояло учиться ближайшие 4 года и общежитием, где мы должны были жить все это время. Знакомство вышло не самым приятным для обеих сторон, потому что раздраженный Матвей – это искусство. Он может говорить самые невнятные и непонятные человеческому уму вещи, но стоило в конце добавить лишь одно слово, как ты тут же забывал всю остальную часть разговора и соглашался с ним. Он просто спрашивал: «Справедливо?», и ты уже не знал, что ему ответить. Если говорил «нет», он отвечал: «значит, у вас очень большие проблемы с головой». Или что-то в этом духе. Наблюдать за этим было ни с чем несравнимо, он был неподражаем, что касалось вытряски из человека неосознанного согласия. Это восхищало, лишь пока ты сам не соглашался с ним на тех же «справедливых» условиях.

Донеся все документы первостепенной значимости, нас посадили перед комендантом общаги. Крайне дружелюбное и располагающее лицо этого гражданина сразу же внушало доверие. Начинало казаться, что даже в таком гадюшнике еще остались хорошие люди. Его звали Габрис Гутанович. Причина, по которой ежегодно страдали сотни студентов Санкт-Петербурга. Эта хитрая рожа с первых же секунд

нашего общения достала книжку с правилами общежития и стала нам разъяснять на своем корявом русском:

– Послушайте, друзья, вы теперь студенты, выросшие люди. Всё зависит от вашей ответственности, – сложив руки на стол, начал он, заранее открыв свою наскоро напечатанную методичку. – Вы видите эту книжечку? – спрашивал он. – Виёт, я открываю её и что мы видим? Вам, госьпода, надлежит не пить, не курить, не превышать положённую громкость и отработать на благо общежития двадцать пять часов. Это прекаса вашего ректора.

– До начала учебы осталось меньше трех суток, – перебил его я. – Вы хотите предложить нам по 8 часов в сутки работать на, как вы говорите, благо общежития и ректора?

– Так, парень, я вижу, ты из этих наглых маленьких паршивцев? Это очень хорошо. Мы таких тют очень любим.

– Не сомневаюсь, Габрис Гутанович. Я в этом даже не сомневаюсь, – с особой наглостью и дерзостью в глазах продолжил я. – Хорошо, давайте опустим момент с отработкой. Он странный – пусть так, но неужели нам даже пиво запрещено? Скажем, вечером, после учебы, в домашней обстановке. Без шума, конечно же, и пьянства.

Еще не договорив, я почувствовал пинок на своей ноге. Это был как раз тот момент, когда Матвей меня останавливал от лишних слов.

– Прошу простить его, Габрис Гутанович, он слегка нагловат. У нас в городе все такие, он не специально, – без особого

энтузиазма, но с уверенностью в голосе, вмешался Матвей. – Мы все понимаем, но отработаем столько, сколько успеем. Наша учеба так же важна ректору, как и отработка в общежитии. Думаю, это вполне справедливо.

– И откуда же вы такие смелые? – прищурившись, спросил комендант.

– Мы из Краснодара, – отрезал я. Ситуация бесила меня. Обычно злился Матвей, а я переводил все в дипломатический дружелюбный диалог, но человек, сидевший напротив нас, сразу показался мне жуликом. Слишком уж хитрые у него глазки. Отвратительный мужик, так легко обманывающий своей приятной наружностью.

– Понятно, – откинувшись в кресле, отрезал тот в ответ. – Ладно, надо подумать, куда вас селить.

В конце концов, нам пришлось еще некоторое время сражаться за одну комнату на двоих, но получилось добиться лишь двух кроватей в трешке. Уже неплохо, потому что большинство селили в комнаты по шесть, а то и по восемь человек.

Занеся первые пару сумок внутрь, мы бросили их на пол и молча простояли несколько минут. Первым ожил я и стал ходить по тем семи квадратным метрам, разглядывая то шкаф без дверцы и задней стенки, то ржавые кровати с провисшими пружинами, то, наконец, грибок, захвативший весь дальний правый угол комнаты. Ярко розовые стены с редко нарисованными цветочками обнадеживали, но не располагали.

Однако, эти стены идеально вписывались в антураж комнаты. Без них, этот шкаф, стол и пара стульев выглядели бы менее живописно. А так, создавалось хотя бы ощущение, что тут жили одни сумасшедшие. Жили, правда, давно, но ведь жили. А это уже значило, что жить тут можно. Просто, не нужно. Но все же можно.

На Матвее лица не было. Он достал телефон и стал все фотографировать.

– Я это везде разошлю. Этого уроды везде посадят. Во всех тюрьмах, сука, его сраное имя числиться будет, – заклинал он, фотографирую каждую мелочь с разных ракурсов. Со вспышкой и без. В фокусе и разфокусе. Он целое портфолио отослал маме через 15 минут.

Когда она получила фотографии, то сразу же позвонила.

– Сынок, что это? Где это? Вы уже заселились? – я слышал ее голос, стоя в нескольких шагах от телефона.

– Это наша комната, мам. Я уже начинаю думать, как бы свалить отсюда. Здесь все какие-то нелюди и кругом разруха какая-то, мам. Это просто...

– Давай я пока что за сумками схожу, – перебил я, сунув руки в карман. – Хорошо, мужик?

– Да-да, иди. – даже не повернувшись от грибка, уютно расположившегося у окна, ответил он. – Мам, я смотрю на это и просто...

Мне же не хотелось никому звонить. И жаловаться никому не хотелось. Комната почему-то не сильно меня расстро-

ила: мне нравился этот артхаус загона для свиней. В конце концов я переехал из уютного родительского дома не ради комфорта.

У нас не было матрасов, и еще пара сумок осталась внизу, так что, когда Матвей договорил, мы пошли за всем этим вниз. Внизу нас ждала все та же соцбратия, кисло смотрящая на нас, зеленых, перваков. Мы подняли сумки, снова спустились и пошли к коменданту за матрасами. Его кабинет уже был закрыт, хотя слышно его из-за двери было. На входе сидела женщина за своим столом – что-то вроде секретарши. Мы спросили у нее насчет матрасов, но она ответила, что сегодня мы уже их не получим. На вопрос «Как это?», она показала на ту пацанку, с которой ругался Матвей, и ехидно посмеялась. Та гопница была ответственной за матрасы или что-то типа того. Проходя мимо этой звезды в спортивках, я улыбнувшись процедил: «Справедливо».

– Приходите завтра, – ответила она. – Сегодня я работаю до пяти, но завтра вы должны успеть.

На часах было 5:05.

Глава 5

Спать без матрасов было не хуже, чем спать в железном гамаке. Спасало только ощущение общего приключения. По крайней мере, оно спасало меня. Я впервые за последние восемнадцать лет жизни спал не в уютной домашней кровати, а на армейской раскладушке, без матраса. Это меня поддерживало, и я спешил делиться этой поддержкой с Матве-

ем. Постоянно нес какую-нибудь чепуху, но нес ее весело, и иногда эта чепуха даже помогала ему. Чепуха, как предмет магический, всегда способна помочь. Без шута при дворе не прожить от скуки – и я занял эту должность с достоинством.

На следующий день я заметил, что возле нас постоянно ошивается какой-то персонаж. Весь день я замечал его на курилке и на нашем этаже у лестницы.

– Чувак, в чем проблема? Я с самого утра тебя постоянно вижу, – прямо сказал ему я, когда мы в очередной раз шли гулять. Мы старались, как можно больше находиться вне общаги, чтобы постепенно забывать точный адрес нашего проживания, но не забывать город, в котором мы жили. – В чем дело?

Он, конечно же, сперва замешкался, стал межеваться от нас, но тут же взял себя в руки, подошел к нам, и протянул руку.

– Меня интересует тот же самый вопрос, – и, натянув нелепую улыбку, вытащил наушник из уха.

Матвей нахмурился, а я сделал то, чего делать не стоило – пригласил его прогуляться с нами.

Всего через полчаса мы уже были готовы придушить этого уродца. Он шел и болтал. Просто шел и болтал. Все спрашивал нас и спрашивал. Эти притворные ознакомительные вопросы: как зовут? откуда приехали? на что поступил? не холодно ли в Питере после Краснодара? Людям, в запасе которых есть исключительно подобные вопросы, нужно сразу

же открывать одну большую тайну – никому нет дела до того, откуда ты приехал и на какой факультет поступил. Чем ты занимался в родном городе? Да, это вопрос уже с подоплекой. Почему ты решил стать на путь инженерии? Это вопрос еще лучше. Это целая тема для разговора. Но этот кретин же ничем не интересовался и лишь продолжал спрашивать. Он спрашивал, пока мой друг не перебил его и не обидел этим.

Что касается человеческих чувств, даже чувств самых неприятных мне людей, я бываю слишком мягок. Матвей сказал правду: Арсений нам уже в край опротивел. Мы шли, как три придурка: Матвей чуть позади, шагах в двух-трех, я же молча рядом с нашим общим спутником, пока последний настойчиво пытался мне что-то втереть. Он рассказывал мне о своем городе, о своих «бескрайних» возможностях в нем, о своем «бескрайнем» количестве модного шмота и о всяком таком. Богатые друзья, всякие золотые карточки отцов и прочие понты. И особое место в любом рассказе у него занимали шмотки. Он не раз упоминал, сколько стоит его одежда, и каждый раз приятно удивлялся, что мы ничего не знаем о его любимых брендах. Нет в человеке души, если он способен всеми мыслями отдаваться бездушным тряпкам, нужным, лишь чтобы прикрыть свою наготу. Ни я, ни Матвей не переносили весь этот модный треп. Вот Матвей и не выдержал, поняв, что мы уже достаточно его наслушались.

Когда Арсений столкнулся с первоклассной способностью Матвея материться, мы подошли к бару, в который тот нас

вел. И если и быть кому-то обязанным за появление этого места в нашей истории, то только этому мерзкому типу по имени Арсений.

Естественно, он клюнул на надпись: «Пиво – 100 рублей» и очень расстроился, когда на входе не посмотрели его бирки. Но очень трудно соответствовать собственному мировоззрению, когда ты – глупый пень в дорогой рубашке.

Место было идеально сбалансированным: небольшое подвальное помещение с длинной угловой барной стойкой, светло-серым освещением и темным деревянным гарнитуром. На высоких подоконниках стояли усилители “Marshall”, гитары, настольные игры, и одиноко висела странная ковбойская шляпа. Дешевое пиво еженощно заставляло людей блевать, а антураж восхищаться жизнью.

Время было не позднее, бар еще пустовал, мы заняли столик, заказали сидр и надеялись поскорее сбежать от Арсения.

– Слушай, пацаны, мы же в таком перспективном городе, вы бы знали, – поймал он меня. С этой фразы я даже слушать его начал, но тут же бросил эту идею. – Да здесь бабки рубить – только так! Многие ошибочно считают, что бизнес-столица – Москва, но я-то знаю, что нет. Нас с вами за каждым углом поджидает золотой клад, пацаны, – добавил он, подмигнув.

Эти слова уничтожили последнее сочувствие к этому идиоту.

– Нет, «пацан», это ты слушай меня, – нависнув над сто-

лом, стараясь как можно тише, сказал я. – Ты, богатенький пидорок, ничерта не знаешь ни о Питере, ни о Москве, так что закрой свой рот. Питер всегда был городом творчества и души, а такие, как ты, тут вообще не всрались. Я не понимаю, что ты тут забыл, но еще хоть слово ты скажешь в том же хвастливом духе, и я врежу тебе.

– Нет, это я ему врежу, – привстав на мой уровень, отозвался Мот. – Ты попросту угробил мой день. Я как будто весь день провел перед телеком, пульт потерялся, а все каналы о моде. Короче, не лезь к нам с это темой. Вот и все.

Мы сели на место, наблюдая абсолютно потерянные глаза Арсения. И глядя на эту воодушевляющую картину, радостно чокнулись бокалами сидра.

После этого он недолго молчал. Почти сразу же начал выкладывать нам какой-то «бизнес-план» с краденными банковскими карточками. Мы слушали его, пока в бокалах был сидр, а допив, во весь голос заявили ему, как гениальна его идея и ушли. Но бар был неплох. Правда, очень годный.

– Нет, ну ты слышал его? – подходя к общежитию, все не мог унять Матвей. – «Верное дело», говорит, «Верняк, пацаны». Стопудняк, сука. Такой кадр.

Мы уже заходили во двор, когда я попросил его постоять, пока я курю.

– Это же надо быть таким кретином. Просто аут какой-то, – продолжал Мот.

– Да ладно тебе, – меня не особо трогала эта ситуация. –

Думаю, тут таких еще полно будет. Мечтающих без достоинства о недостойном. Они все как один будут бегать вокруг и кричать, какое верное дело – эти деньги – а, по итогу, станут обычными мешками. Этим детям только и снится, как бы поскорее стать мешком с дерьмом.

– Не могу я так спокойно к ним относиться. Они отравляют общество. Их надо всех в одну шеренгу и...

– Помнишь свою детскую мечту?

– Какую? – отвлекшись от идей ГУЛАГа, спросил Матвей. – С двумя сразу?

– Нет, не эта.

– Тогда какая?

– Я про детскую, дурень. Про твою детскую мечту подарить маме дом, – по его лицу было видно, что он вспомнил, о чем я. – Мы как-то сидели с тобой во дворе твоего дома после школы, и ты рассказал мне, как мечтаешь вернуть маме все деньги и потерянные годы счастья, когда вырастешь.

– Да, помню, – сказал он и растворился в ностальгической улыбке. Он подумал о маме. И о ее будущем доме. По лицу сына всегда можно определить, когда тот думает о своей маме. Это очень теплое выражение лица. Во всяком случае, так должно быть.

– Так вот, тобой движет хорошая, добрая идея. Идея о любви. Но для ее реализации нужно много денег. Поэтому ты стремишься к деньгам. Но не они же тебе нужны, да? А Арсений – мелочный ублюдок, в его сердце нет семьи. Пусть

так и будет. Забудь о нем и думай о семье, ждущей тебя через годик дома.

– Меньше.

– Что?

– Не через годик, а меньше.

– Да, точно. Меньше.

С минуту помолчав, когда я уже понес окурок к мусорке, он спросил:

– А с чем я к ним приеду?

– Со взрослым собой, наверное.

Глава 6

*«Пусть отец всегда вселял страх,
А мать была вечно с тобою строга,
Пусть у каждого приятный нрав,
Но на деле, это всего лишь слова.*

*Даже если ты встречаешь людей из харчевни
С распростертыми по горизонту руками,
Твоя сестренка, в своем платье вечернем,
Течет по парням, что ходят к ней штабелями.*

*Ты можешь быть агрессивен и злобен,
Быть можешь спокоен и весел –
Все равно перед свитой семейной покорен,
Пока та взирает на тебя с кожаных кресел.*

Они будут думать, что делают лучше.
Поразмышляют над нормами жизни.
Все равно огонь твой вскоре затушат
И не дадут тебе спеть ни единой песни.

Ты только дурного не думай, не злись.
Их жизнь научила осторожнее быть.
И с твоим первым криком они поклялись:
От боли твоей вместе с тобою выть.

Ведь жизнь каждый день преподносит шансы,
Поэтому стыдно на кого-либо зло держать.
Ведь у тебя не душа – хитиновый панцирь,
А искусство твое острее любого ножа.

Абсолютно каждому дается нечто свое,
Однако скрывается за чьим-то забором.
Ты однажды согласишься в чужое окно –
Ускользнешь от судьбы перед маминым взором.

Но важно одно понимать:
Насильно разрушая мосты,
Не забывай, что под ними вода.
И, если страшен прыжок с высоты,
Значит, жизнь победила тебя».

Когда-то давно. На самом же деле, всего год назад, я сидел в школьном классе, как всегда, на задней парте. Урок литературы. Задали очередную нелепую работёнку на сорок минут, но я не хотел ее делать. Сидел, слушал музыку, думал на книжку отвлечься уже, как тут я посмотрел на своего друга, что сидел через ряд. Точнее, на его ноги. Я знаю его уже давно, с самого первого сентября, если не больше. И за это время успеваешь узнать не только человека, но и его семью.

Из-за того, что мама было одна и все было не ней одной, он рос в «скромном достатке», и это научило его чаще других ценить любые жизненные блага. Он многому меня научил, а в частности – показал, что такое любовь к маме. Без него, пожалуй, злость взяла бы во мне верх.

И вот, в наушниках играет «I've just seen a face», я сижу, смотрю на его ноги и вижу новые, красивые и явно дорогие ботинки. Это было нечто. Меня пронзило понимание того, с каким трудом и любовью его мама подарила их ему. Я представил, как он с улыбкой на лице надевает их каждое утро, благодарит ее, целует ее и идет в школу. В новых ботинках. Они заставляют его улыбаться, но он счастлив только оттого, что умеет благодарить свою маму, ценить ее и улыбаться ей. И я знал, отчего он счастлив, но счастья этого тогда не знал.

И я подумал: «Почему бы не любить наших матерей так же, как они любят нас?».

Нам всем выдали по листочку, по гелевой ручке, заставили убрать все с парт и за что-то, в очередной раз, похвалили Матвея. Уродец Матвей. Как же я ненавидел его всю начальную школу. И немного после. «Вечно он в любимчиках» – примерно так я думал класса до 7го. Он, как и я, не особо любил учиться, но каждый раз умудрялся делать это с блеском. Он понимал материал, вникал в него и на уроке выдавал все как надо. Единственное, что меня радовало, так это его эссе и сочинения, которые получались у него совсем никак. То есть оценка у нас с ним была одинаковая – двойка, иногда тройка – но содержание явно было совершенно разного уровня.

Тогда, на уроке литературы, нам сказали писать пробное итоговое сочинение – довольно важная работа в 11 классе. Топор вражды уже давно был зарыт, а с навыком письма Матвей все еще не разобрался. Я предложил помощь, а когда заметил его ботинки и проникся их надуманной мною историей, был очень рад его отказу, потому что впервые сам захотел получить пятерку по сочинению, а не помочь кому-то в ущерб себе.

Меня уже давно на тот момент зацепила его мечта о доме для матери. Она для меня была, как кадиллак Элвиса в наших реалиях. Но понял я свои мысли только сидя на том уроке литературы, стараясь как можно лучше написать сочинение.

Все это время он учился для мамы. Ради женщины, оберегавшей его сон последние 17 лет. Ради человека, его вос-

питавшего. Ради своей мамы, купившей ему эти ботинки на зиму. И мне просто стало приятно понимать, как радуются ее глаза, когда Матвей приносит домой хорошие оценки. Тогда я решил, что тоже порадую свою маму. Потому что посмотрел на ботинки и увидел, сколько в них любви.

Так вот, почему бы не трудиться ради улыбки маминых глаз так же, как она трудится, ради улыбок наших животов? Ведь ее глаза достойнее любых других в этом мире.

Глава 7

На следующий день мы должны были идти в вуз, на встречу с группой. Заодно нам должны были выдать зачетки. Как и полагалось, нас посадили в украшенный актовый зал с роскошной сценой и всякими побрекушками на ней. Кто-то пел, потом кто-то танцевал, между ними выходил ведущий и выкрикивал: «Военмех», на что мы должны были крикнуть: «Лучше всех». В общем, на сцене кипела жизнь, пока несколько сотен студентов ждали завершения всего. Хотелось, конечно же, верить, что в помещении собрались одни Холдены Колфилды и что все они понимают фальшивость таких вот мероприятий, но, когда дело дошло до конкурсов, пол зала рванулось в них участвовать. Бедные недотепы.

После всех конкурсов и напутствий от преподавателей мы отправились в специально отведенную нам аудиторию, чтобы познакомиться с одnogруппниками и деканом нашего факультета.

Когда мы с Матвеем вошли в аудиторию, все уже сидели

и явно ждали нас – мы слегка заплутали в коридорах этого Хогвартса. Мне никогда не давались такие стадные моменты. Все эти настороженные лица, так знакомые и все, как один, на кого-то уже похожие. Потом какой-нибудь придурок начнет высирать из себя неумелые остроты, кто-нибудь его поддержит, потом подключится пай-девица и попросит его замолчать. Словом, тем придурком все время оказывался я, вот только не находилось поддержки, и пай-мальчик Матвей шикал на меня, чтобы я заткнулся.

А лица и правда были каждый раз очень похожие. Создавалось ощущение, будто я уже их видел. Допустим, вот этого парня я видел в супермаркете – он работал охранником, ему было сорок лет и сорок унылых морщин. Вот того я как-то видел на заправке, когда тот заливал девяносто второй в машину моего отца. Отец еще отсыпал ему мелочи после. Вот эти двое – однозначно детсадовские лопухи. Их всегда забирали бабушки, они подолгу не хотели натягивать колготки, так что это приходилось делать бабушкам. Вставать на колени с артритом, а потом пыхтя вставать. Тогда они, наверное, бабушкины мальчишки. Или бабушкины овощи. А вот эти две дурочки – недавно появившаяся подкатегория пустышек – блогерши-неудачницы. Высокий коэффициент бесполезности и низкий уровень интеллекта, вкупе с их пятью подписчиками и подтянутой пятой точкой, создавали идеальный пылесос. А вот, кстати, и будущий обладатель пылесоса – в школе его не особо принимали, но он ушел из девятого клас-

са и уже заработал на первую девятку. По выходным они с пацанами едут на парковки больших супермаркетов, достают из багажников кальяны, включают музыку и обсуждают свои новые пылесосы. А этому повезло чуть больше – его рожу я видел по ящику, он отчитывался за «потраченные» из бюджета деньги. А эти вот считают, что последнему повезло в жизни. Только пару лиц я еще не видел.

Еще в школе я понял, что те люди, с которыми я учусь – будущие кто-то. Теперь же, моими одноклассниками стали чьи-то бывшие одноклассники. По большому счету, ничего не изменилось. И это напрягало мое восприятие. Я все никак не мог понять, кто они такие. И кто я тогда, если они – кассиры из Пятерочки?

По лицу многое можно сказать. В конце концов, и влюбляются всегда не в человека, а в его лицо. В то, что скрывают глаза. В то, о чем грустит улыбка. В молчанье смеха и в то, что видно лишь тебе. Когда смотришь на человека впервые, и вдруг видишь нечто в нем. А уже приложением к этому «нечто» идет и сам человек. И если с этим человеком получается ужиться, то это уже называют ячейкой общества. То есть человек нам может и не сильно-то нравиться. Но его лицо мы любим. Все остальное – не любовь. Если в этом нет глаз, улыбок и желаний смотреть, то человек не стоит любви и взглядов. Ведь любят только лица.

Через полчаса мы уже стояли у выхода в вуз. Все счастливые и столь же озадаченные, как и полчаса назад. Но теперь

мы официально были студентами. Вот ты просто школьник, а теперь – на, держи студак.

Эта фраза доносилась отовсюду. Она кружила среди толпы, вселяясь то в одного, то в другого. Эти слова, что я никак не мог сказать про себя, «Мы – студенты!». Они пугали меня. Матвея тоже. Он молчал. Потом кто-то сказал: «А пошли в бар, ребят? Отпразднуем», а я крикнул: «Айда, мы с Мотом знаем хорошее место неподалеку», а они такие: «Айда! Айда!». Ну, как-то так и было.

Почти все жили в нашей общежке, поэтому мы толпой двинулись переодеваться, брать зарядки для телефонов, деньги и все прочее. По дороге мы все оживленно разговаривали. Только Матвей молчал. Я спрашивал у них: «Почему Питер?», на что они говорили: «Чувак», – будто тысячу лет уже со мной знакомы, – «ну ты чего? Это же город-мечта. Это же Питер».

Мы с Матвеем остались ждать всех на улице. Брать нам ничего не нужно было, да и в комнату, если честно, заходить совсем не хотелось. Я достал сигарету и спросил его:

– Ну, как ты, братан?

– Они все какие-то фрики, чувак, – помотав головой и пожав плечами, ответил он. – Не знаю еще. Я, конечно, пойду с вами, но только потому, что в комнате находиться совершенно невозможно. Даже с этими савдепоскими матрасами спать невозможно. Даже сидеть там не хочется.

– Да ладно тебе, не усугубляй ты так все. Давай будем чуть

менее... требовательными, что ли. Что-нибудь придумаем, ладно? В смысле, послушай их: «Это же город-мечта. Это же город-мечта». А нам что, не мечта? Давай так и будем думать. Вон они, идут счастливые. Улыбнись, собака. Нам с ними в одной группе 4 года дрессироваться.

Уже через минуту мы все шли отмечать последний день лета и первый день в статусе «студентов». Мы шли в местный бар, в котором совсем недавно было противно находиться из-за противной компании. Но там играла хорошая музыка и наливали вкусный сидр, а студенту больше и не должно быть нужно.

По дороге я слегка отстранился от общей толпы и подошел к той девочке, чье лицо я никак не мог определить час назад. Она была похожа на остальных и, судя по неустанному контакту со своим айфоном, больше относилась к категории пустышек, но лицо ее как будто выдавало. И мне казалось, что она играет в какую-то игру, правил которой я не знал.

– Привет, – сказал я.

– И тебе, – не отрываясь от телефона, ответила она.

– Почему ты не идешь рядом со всеми?

– Я со всеми уже знакома, поэтому и решила ответить на пару сообщений, – она все еще смотрела в телефон, но взгляд уже успела на меня бросить. – А ты почему не ними?

– Я не особенно люблю знакомиться.

– Значит, со мной ты сейчас чем-то другим занят?

Вопрос заставил меня рассмеяться. И это подкупило.

– Почему Питер? – спросил я.

– Так уж случилось, что я родилась в Чувашии и выбрать-ся в такой город из того места для меня многое значит. В Москву я не хотела, там как-то душно, а в Питере всегда ветерок и люди лучше. И вот, в 8ом классе меня отправили сюда с классом. Экскурсии, постоянные обеды в столовках, интересные люди вокруг, все такие разные. Так что я пообещала себе поступить сюда, взять от этого города все, что он сможет мне дать и вернуться домой, – она сделала паузу и на выдохе спросила: – Домой, понимаешь?

– Да, кажется, понимаю, – и устами, и глазами ответил я. На секунду задумавшись, я спросил: – Ты любишь свой родной край?

Она только рассмеялась в ответ.

– Люблю ли я Чувашию? Ты, парень, ни разу в нашей беседе не появлялся, да?

– Почему, я как-то что-то спрашивал. Но идея постоянно общаться в сети мне не очень-то нравится.

– Ну, там уже все меня стебут за разрез глаз и за то, что я постоянно говорю о Чувашии. Странный ты.

– Ты тоже. Забавно, я даже имени твоего не знаю.

– Влада. Меня зовут Влада, – и на этих словах она потянулась приподнимать свою блузку. Оказалось, она решила показать мне свою татуировку.

– «Чувашский ниндзя», – прочел я под рисунком лягушки-ниндзя с катаной в руке. – Вот это да. Почему ниндзя?

– Как-то, привязалось прозвище. Сама его придумала, и оно за мной почему-то закрепилось.

– Мне нравится, – и на этих словах я потянулся поднять футболку.

– «Free thought», – прочла она перечеркнутую надпись у меня на ребрах под рисунком. – Интересно. Что означает?

– Ну, это долго объяснять.

– Нам до бара еще долго?

– Нет, еще минут пять, – я посмотрел на нее, она посмотрела на меня и снова уткнулась в телефон.

– Ладно-ладно, расскажу, – на что она с улыбкой посмотрела на меня и радостно убрала телефон в сумку. – Какие элементы татуировки ты видишь?

– Ну, – протянула она, – вижу масонский глаз, надпись под ним и, пожалуй, все. Нет, еще ветки какие-то вокруг пирамидки, – дотронувшись, она игриво добавила: – Колючие.

– Верно. Так вот, – я снова спрятал свою татуировку и постарался объяснить ее значение, как можно менее пафосно: – Ты должна понять 3 вещи: у тебя есть сознание, есть подсознание и есть характер. Подсознание куда сильнее сознания, и оно формирует твой характер. То, как ты будешь вести себя в той или иной ситуации, редко зависит от тебя – ты делаешь выборы в своей жизни неосознанно. Эти решения за тебя принимает подсознание. И, исходя из сделанных выборов, люди говорят о твоём характере.

– Допустим, но это слишком как-то серьезные слова.

– Да, конечно серьёзные. Я же всерьёз тебе все это говорю, – я и правда говорил, пусть и с редкой улыбкой, но глазами я впивался в слух Влады. Я старался донести до неё свою мысль. Я хотел, чтобы она меня поняла. – Теперь начнём с глаза. Он олицетворяет твоё подсознание. Таинственный механизм, из тумана шепчущий тебе «правильные» поводы выбрать что-то. Ответить мне так или иначе. Согласиться или нет. Показать мне свою татуировку или не доверять мне. Ты же не всем ее показываешь, верно?

Да, не всем. – по глазам я увидел, что она начинает меня понимать. Очень приятное ощущение, когда тебя понимают.

Так вот, он – есть твоё подсознание. Но он окружён ветвями. Ветви тёрна. Они защищают его, не давая к нему подобраться. Понять, что он есть, увидеть сквозь ветки – да, конечно, но, чтобы к нему подобраться, ты должен исколоться тёрном. Подобно Иисусу, стать мучеником. Но он мучился ради народа, а ты мучаешься ради самопознания.

– Здорово, – ребята уже зашли внутрь бара, а мы стояли у лестницы и продолжали говорить. Ей понравилась моя теория. Она приняла мою идею и продолжила со мной разговор. Мы проговорили так ещё несколько минут, пока нас не позвал тот парниша со вторым уникальным лицом на факультете.

Перед самым входом, она спросила:

– А что с третьим элементом?

– С надписью?

– Да, с ней.

– Она означает, что, до тех пор, пока ты не достигнешь своего внутреннего, спрятанного от твоих глаз, ока, ты не сможешь свободно мыслить.

– Черт, а ведь правда, – мы уже подходили к столику, музыка играла вовсю, когда она остановила меня на секунду и шепнула на ухо, слегка прильнув ко мне всем телом. Она шепнула: – Ты интересен мне. Я таких ещё не встречала.

В тот вечер собрались почти все, с кем нам предстояло дальнейшее общение. Пусть этот бар, по итогу, остался всего лишь неделей в целой истории, с него все началось. И каждый день той недели мы собирались, как в первый раз. Состав все время увеличивался, приходили новые люди, а некоторые старые отсеивались. Но основной шум в том баре исходил от нас. И это было захватывающее, находиться среди них.

Стол не был большим. Там, на самом деле, все было маленьким и не таким удобным, как нам тогда казалось. Но мы нагребали все стулья и скамейки со всего бара и садились за наш стол. Скорее, мы его окружали. Общались все разом. Я не мог понять, как это получалось, но в разговоре участвовали все сразу. Кто-то начинал фразу, а другой тут же ее подхватывал, вбрасывая какую-нибудь шутку, отдаляющую разговор от темы. Первый еще не успевал закончить мысль

своей темы, как третий уже отшучивался со вторым. Остальные еще слушали первого, в то время как кто-то спрашивал, что кому принести из выпивки. Все оживлялись, тема забывалась, а юмор все так же тек ручьем меж нас.

Первое время Матвей тихо сидел у барной стойки. Единственный, кто сидел с телефоном, он выглядел как бы ни при чем. Я же сидел между двух торцов стола и чередовал шутки с поднимаемыми темами. Все выглядело так органично, что я сам себе поражался. То есть еще по дороге сюда, когда все говорили совершенно ни о чем. Меня это отвращало, а здесь, за этим столом, я понял, что мы цговорим друг о друге, пусть и ни о чем конкретном, но в таком разговоре каждый чувствовал себя открыто и мог показывать себя с любой удобной ему стороны. Это был просто разговор. И это было здорово. Мы говорили легко и непринужденно, матерясь и коверкая слова.

Многим из нас еще не было 18ти, поэтому за выпивкой тоже ходил я. Я подходил к бармену, делал заказ, перекидывался с ним парой слов, облокотившись на стойку, улыбался людям, между которыми я втиснулся, чтобы оплатить свой алкоголь – словом, все как надо. Мне тоже еще не было 18ти, бармен даже догадывался об этом, но вопросов почему-то не задавал.

– А я тебя помню. Ты же был тут уже, да? – спросил он меня как-то. У него был странный, не то пропитый, не то угашенный голос и огромные черные усы. Усы, как у пирата.

Дреды, как у пирата покруче и посовременней. Потрепанная черная одежда, как у крутого рок-пирата. И держался он как-то по-пиратски. А потом он улыбнулся, и я увидел, что у него нет одного зуба, и еще один был золотым. Снова, как у пирата.

– Да, мы вчера заходили с другом. Но вчера я не заметил тебя. Такой пират бы мне сразу запомнился.

– Йо-хо-хо, на пирата, говоришь? – посмеялся он, взявшись за бороду.

– Да, на какого-то знаменитого пирата. Я помню его лицо. Ты – вылитый он. Только вот имени вспомнить не могу.

– Я твое лицо тоже где-то видел, – наигранно проведя по усам, задумался бармен. – Точно тебе говорю, видел. Да, я вчера тебя видел, – сказал он, рассмеявшись.

– Все-таки, угашенный, – взяв первый бокал в руки, сказал я тихо.

– Ну а если честно, у тебя тотемное лицо, парень, – протягивая мне второй и третий бокал, совершенно спокойно сказал он.

– Тотемное? – я ответил ему улыбкой, взял бокалы и, не дождавшись ответа, пошел к столику.

Когда я подошел к столу и поставил напитки, единственный человек, чьего имени я еще не знал, спросил:

– Что за бармен? О чем болтали?

– Да так, ни о чем. Он сказал что-то про тотемное лицо и... – я посмотрел на своего собеседника и понял, о чем го-

ворил бармен. Это был тот, второй человек в группе после Влады, чьего лица я еще не видел в этой жизни. Обрадовавшись, я ляпнул. – Осторожней, дядя, этот бармен – пират!

И он посмеялся. Посмеялся так, как если бы тоже заметил это сходство. Покручивая свой бокал, он, сквозь смех, сказал:

– Да, я тоже заметил. Это Боннет, кажется. Стив Боннет.

– Точно! – мы одобрительно друг на друга посмотрели и представились друг другу. Его звали Витей. – Только вот не Стив, а Стид. Стид Боннет из Black Flag.

– Да, – восторженно протянул Витя. – Тоже читал эти истории?

Это был второй человек с «тотемным лицом».

Через некоторое время мне позвонила мама. Пьян я еще не был, поэтому вышел на улицу и ответил.

– Здравствуй, сынок, – ее голос звучал спокойно и ласково. Так же ласково она спросила: – Как ты там?

– Привет, мамуль, – мой голос звучал пьяно, как бы я ни старался этого скрыть. – Я хорошо. Мы с ребятами сидим в баре. Решили, вот, с одноклассниками зайти, отметить немного.

– Понятно, – ласка сменилась скрытой тревогой. – Это вы хорошо придумали. Ну, и как тебе группа? Успел уже со всем познакомиться? Как там Матвей? Не слишком вял? А ...

– Так, мам, подожди. Слишком много вопросов за раз, – я бродил вокруг от одного угла квартала к другому. – Да, по-

знакомиться успели, ребята обычные, конечно, но все равно классные. Ну, и парочка необычных есть. Такие, знаешь, с загадкой как будто в глазах. Интересные ребята. Думаю, в них что-то есть. А Матвей... Матвей нормально. Живчиком.

– Ну, так это же здорово, раз с загадкой. Вам с ними еще сколько учиться... – она перевела дыхание. Слышно было, как она улыбнулась. – Впереди еще столько всего будет. Я даже завидую тебе сейчас. Еще твой дедушка говорил, что студенческие годы – лучшие годы. Будут, конечно, не хуже. Первые дети, первые квартиры, семья, кризисы, но это все не то. Студенческое – то, в общем. Дальше – хуже, словом, – она снова улыбнулась и замолчала.

– Да, я помню эти слова. Ты уже говорила мне, – я улыбнулся ей в ответ. – Я соскучился по тебе. Даже по твоим наставлениям. Хочется признать, что они не так уж и плохи были.

– Ого, даже по моим наставлениям? – рассмеялась она. – И много же ты уже выпил, а?

– Нет, мам, ты чего? Так, бокал пива. И то не весь.

– Ну, ладно тебе. В любом случае, не налегай – пузо появится.

– Да, мам, я помню-помню... Знаешь, пожалуй, лучше без наставлений.

Она лишь посмеялась мне в трубку. Добрый материнский смех. Ни один смех на свете не улыбнет тебя так, как ее.

– Но я очень тебя люблю, – добавил я напоследок. – По-

желай мне доброй ночи, и я пойду.

– И я тебя, милый мой. Конечно, иди. Доброй ночи, – она уже убрала телефон от уха, когда вспомнила о своем материнском долге. – Да, и вы в общагу-то собираетесь вообще? Время-то позднее уже.

– Да, мам, конечно собираемся, – естественно, я забыл о времени. – Мы уже собираемся. Я напишу тебе из комнаты, часа через... пол, ладно?

– Ладно, – и снова улыбка. – Доброй ночи, сынок.

Глава 8

Мы потерялись во времени и не знали, успеваем ли в общагу до комендантского часа. Нам хотелось продолжать – и мы продолжали. Стопка за стопкой, стакан за стаканом нас уносило из бара. Помещение стало расплываться и, в один момент, превратилось в мольберт, на котором каждый рисовал что-нибудь свое. Друг друга мы пока не знали, но выпитый алкоголь насыщал нас, позволяя нам раскрываться все глубже и глубже. Каждый мог быть каждым или никем вообще. Мы рисовали себя в глазах окружающих и были свободны в выборе красок.

Один из ребят рассказал мне, как сильно ему хотелось бы стать политиком. Не одним из тех проходимцев, притворявшихся людьми, а человеком, не потерявшим добро и любовь к людям. Он мечтал изменить в мире хоть что-нибудь. Любую пошлую, по его представлениям, деталь человечества. Я понимал его в этом, но мои грани пошлости были куда бо-

лее размытым, нежели его. Он хотел просто помогать людям и выбрал лично свой путь, дарующий ему, по итогу пройденных испытаний, возможность влиять на мир. Но правда в том, что у каждого есть такие мысли. И мысли эти должны созреть в действия. Поэтому я был особенно рад, когда услышал от него подобное:

– Забавно, как сильно может звучать человек, не заинтересованный во внушении своей правды, – едва не показавшись мне трезвым, сказал Никита. – Ты сейчас стоишь передо мной, куришь и просто говоришь со мной. То есть, говоришь со мной. Просто... – трезвым он мне уже не казался. – То есть я хочу сказать, что ты вкладываешься в слова не только своей головой, но и сердцем. Ты по-настоящему слушал меня... Я всего лишь сказал тебе, что хотел бы стать кем-то важным в этой жизни, а ты начал говорить мне все эти вещи. Вещи, так нужные мне, чтобы быть тем, кем я хочу быть, а не мечтать собой стать. Я только что понял, что это не просто желания идейного подростка, а настоящая цель!

– Это не просто цель, мой друг. Это способно поглотить тебя всего! Это может избавить тебя от смерти, тем самым сохранив или улучшив жизни миллионам других людей. Ты будешь способен не просто влиять, но звучать в чьей-то голове. Кто-то будет тебя слушать, верить, а потом получать обещанное. Ты сможешь быть лучше остальных в этом деле – я это вижу. Они, конечно, будут пытаться задавить тебя. Возможно, даже задавят... Но я просто хотел сказать тебе,

что вижу в тебе. А если что-то видишь – нельзя промолчать.

Мы уже возвращались в бар, когда он спросил, отойдя слегка от нашего обсуждения:

– Слушай, а ты-то чего бы хотел?

– Я? – открывая ему дверь, улыбнулся я. – Писать. Хочется писать.

Он лишь рассмеялся.

– Так пойдем поссым. Чего такого-то?

Я рассмеялся в ответ.

– Пошли-пошли. Только в разные кабинеты, госдумовец.

Как только я зашел внутрь, меня тут же выпихали обратно на улицу. То были Влада и какая-то странная парочка. Стрельнув тому, из парочки, я предложил угостить Владу – она отказалась. Повторив процедуру со второй дамой, я достал себе и подкурил от зажигалки Влады. Они уже достали каждая свою и миленько беседовали о какой-то чуши.

Мы стояли: они в обнимку, а мы неловко. Разговор никак не завязывался, несмотря на их девичий треп. Но в один момент подул легкий ветерок и так мягко пролетел между нами с Владой, что мы посмотрели друг на друга и решили сблизиться, чтобы ветер обдувал нас двоих вместе. Мы потянулись друг к другу и обнялись. Ветерок стал обдувать нас так же мягко, но теперь еще сильнее. Мы лишь улыбались, а разговор все так же не клеился.

Через некоторое время те двое ушли, оставив нас наедине.

– Это так странно, – сказала она.

– И мне, – прошептал я.

– То есть мы знакомы меньше трех часов, а мне уже хочется тебя обнимать. – она смотрела мне в глаза, слегка отпрянув. – Почему мне хочется обнимать тебя?

– Потому же, почему и мне хочется обнимать тебя, – сказал я так же тихо и поцеловал ее.

Мне не хотелось говорить ей этой фразы. Я даже не знаю, почему сказал ее. Эта девушка навевала во мне что-то приятное, вызывала интерес и жажду, но внутри ее я ничего не видел такого, что заставило бы такое говорить искренне. Вот только сказать такое означало завоевать ее поцелуй – чего я и хотел. Сорвавшись с цепи родительской будки, я стал направо и налево бросать подобные фразы. Что в разговоре с юным политиком я говорил с пафосом и демагогией, что с Владой улыбался и слышал все эти «ветерки» в голове. Также ветрено я с ней и говорил. Другое дело, что, если через десять лет я услышу его имя в новостях, это будет значить, что все мои слова – правда, и что все не зря.

Мы пришли в общежитие с пятиминутным опозданием. Всю дорогу прошли с ней за руку и очень мило молчали. Как в самом стремном фильме для подростков. Но мне это нравилось. В жизни все выглядит куда мягче и ничего не режет глаза, как перед экраном.

Распрощавшись с ней, я пошел в комнату, где уже спал Матвей. Оказалось, что он еще час назад пришел и, буркнув что-то в пустоту, лег спать. Знакомство для него прошло ку-

да менее приятно, чем для меня, и теперь он бурчал на меня за то, что я его разбудил во втором часу ночи.

Нам с ним явно не удалось бы ничего обсудить, а спать в одной комнате с ним я не хотел, так что я пошел к Владе. Зайдя к ней, я не вызвал на ее лице и единой эмоции. Она точно знала, что я зайду. Я и зашел.

– Давай поговорим в коридоре, – сказала она, покосившись на соседок.

Разговора у нас с ней не вышло. Уединившись в коридоре, мы целиком отдали себя поцелую. От ненужных глаз нас защищал массивный выставленный кем-то шкаф. Этот кто-то, казалось, специально поставил его для нас и теперь спокойно себе спал. Казалось, весь мир спал, пока я ее целовал.

Через время она отстранилась от меня и начала что-то говорить про ее «установку». Она все повторяла: «Ну у меня же была установка. У тебя же была установка, Влада. Ну как же ты так...». Как оказалось, она поставила себе установку не портить себе жизнь и не встречаться с одноклассниками или друзьями. Причин для такой установки я не спрашивал. Все мои красивые словечки улетучились, стоило мне прикоснуться к ее губам. Они стали воплощением той красоты, что царила в моей голове, и я ими поглотился. Я прижал ее к тому шкафу так, что он чуть не завалился на бок, и стал целовать. Целовать, пуская руки везде, где им были рады. А рады им были везде. Я целовал ее, пока не понял, что хочу узнать ее. Узнать, как человека. Расспросить о причинах ее

жизни, о стремлениях и о ее родном крае. Ведь она так любила Чувашию. Так много о ней говорила, а значит, было что и рассказать о ней. Это же было так далеко и там вроде должно быть холодно. Но красиво. Неужели это и все, что я знал о том месте? А вдруг там жарко и грязно? География меня никогда не прельщала. Чем не повод узнать нечто большее, чем заиметь возможность залезть ей в трусы?

– Я пойду спать, уже почти 3 ночи, – начал я, еле открывая глаза, как после долгого сна. – Но завтра мы опять пойдем в бар, и, надеюсь, я смогу побольше узнать о тебе и Чувашии.

Она осталась стоять там. Шокированная и улыбающаяся. Она шепнула мне «Хорошо» и улыбнулась чуть сильнее. А я пошел спать.

Это было приятно – вот так оставить девушку в порыве страсти. Я не хотел сделать ее покорнее или же совсем поработить ее такими трюками. Мне она понравилась, чем-то зацепила. Эта ее мимика и слегка узкий разрез глаз выбивались из общей массы человеческих лиц. И ее было приятно целовать. Даже приятнее, чем водить рукой у нее под юбкой. Дело было вовсе не в губах. Ни в тех, ни в других. Дело было, как всегда, в глазах. Они не влюбляли в нее, но интересовали меня. Кажется, с этой девушкой многое произошло за жизнь, и я мог узнать каждую ее историю.

Но еще мгновение назад я мог только переспать с ней. Теперь же, лишь уйдя спать один, я открыл для себя целый мир. Я открыл целого, черт возьми, человека. Со всеми его пере-

живаниями и трагедиями. Они были моими. Каждое слово, которое она теперь мне скажет, будет небольшой историей, рассказ которой будет посвящен мне. Это пленило. В этом чувствовалась сила. Не власть, а сила. А я ведь просто вытащил язык из ее рта, развязав тем самым ее, и пошел спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.